

КЛАССИКА РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

П.Г. Виноградов

О ПРОГРЕССЕ*

С каждым годом, можно сказать, с каждым днем, среди мыслящих людей нашего общества все настоятельнее и настоятельнее становится запрос на осмысленное изложение исторических фактов, на построение науки об обществе, социологии, которая достойно завершила бы ряд наук математических, естественных и философских, на определение законов и обобщений, которые внесли бы ясность и правильность в хаотическое многообразие исторического материала. Не всегда было так: в течение поколений и столетий внимание направлялось на другие задачи и вопросы. В средние века отворачивались от безотрадного течения мирских дел в сторону обещанной религией будущей жизни, и если занимались настоящим и прошедшим человечества, то лишь для того, чтобы усмотреть в них приготовление к этой будущей жизни, предзнаменования о ней, искус и упражнения, открывающие путь к ней. Новая история тем существенно и отличается от средневековой, что она заменила аскетическое мировоззрение, отнимавшее у жизни самостоятельный смысл, обращавшее ее в простую подготовку к чему-то другому, — гуманистическим, сосредоточившим внимание на действительной жизни и природе людей, и направляющимся указаниями их разума.

Даже и в новое время, однако, не с первого раза дошла очередь до изучения последовательности человеческих деяний. После первых восторженных порывов возродившейся веры в человека, в его красоту и силу, европейская мысль применила гуманистически мерки разумных требований и свободы совести к религиозным построениям, произвела ряд попыток подвести все мироздание под известную общую идею рациональной философии и, наконец, в XVIII в. столкнулась с необходимостью пересмотреть и перестроить политику, государственные формы и общественные отношения с точки зрения рациональности, справедливости, ответственности потребностям людей и их правам. В этой стадии своего развития гуманистическое миросозерцание по необходимости должно было поднять вопросы о ходе

---

* Печатается с сокращениями по: **Виноградов П.Г. О прогрессе.** Москва: Типо-литография Высочайше утвержд. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°. Пименовская улица, соб. дом, 1898.

Три лекции, прочитанные в Москве, в аудитории Исторического музея 4, 5 и 6 февраля 1898 г.

исторического процесса, о руководящих им силах и его общем направлении. Уже Вольтер, несмотря на нетерпеливое и презрительное отношение ко всему историческому, поскольку оно затрудняет улучшения и перемены, считает долгом обозреть нравы и обычаи различных народов. Во второй половине века ясно намечаются два направления мысли, которые начинают подготавливать научное движение XX в. Монтескье ставит вопросы об отдельных законах, управляющих историческими явлениями. Гердер, Кант, Кондорсе пытаются сразу провести просеки в дремучем лесу истории, впустить в него солнечный луч с помощью представлений об историческом прогрессе. Позвольте остановить ваше внимание на главных попытках второго рода. Для образованных людей обязательно так или иначе выяснить свое положение относительно этой капитальной задачи. Идет ли человечество вперед, и что значит для него идти вперед? Если оно идет вперед, то каким путем и под влиянием каких сил? На эти вопросы давались весьма различные ответы, но по мере спора выяснились некоторые основные соображения, которые, как мне кажется, и являются прочными результатами долгого и противоречивого обсуждения данной темы.

Я указал на то, что с особенной силой проснулся интерес к намеченным вопросам в XVIII в., хотя, конечно, и раньше ими занимались отдельные мыслители. В XVIII в. вопросы эти стали общим достоянием, приобрели значение для массы образованного общества. Поэтому естественнее всего будет начать наше рассмотрение с постановки и разрешения их в кругу самого характерного направления XVIII в., в зависимости от так называемого просветительного направления. Мне нет надобности напоминать вам, что это время характеризуется могущественной, необычайной по своим результатам агитацией в пользу распространения научных и философских учений в обществе. Этим научным результатам приписывалась чудодейственная сила, перед их внутренней убедительностью должны были пасть предрассудки нелепости и притеснения общественного строя, как от звука труб еврейских священников пали стены Иерихона.

Главным памятником того направления была знаменитая «Энциклопедия наук и искусств», сделавшаяся своего рода Библией для большинства образованных людей XVIII в. Характерным выражением именно этого направления по интересующим нас вопросам явились рассуждения Кондорсе «Набросок исторической картины успехов человеческого разума» и примыкающие к нему отрывки с более подробной характеристикой отдельных эпох. Составлялись эти рассуждения уже в 90-х годах, во время пребывания автора в тюрьме во время террора; изданы они уже в начале нашего века, но по своему складу они всецело принадлежат исходному направлению XVIII в., направленно просветительному, и потому должны быть рассмотрены прежде, нежели идеи, высказанные в сочинениях Гердера и Канта, которые появились в свет несколько раньше, но представляют уже дальнейшие фазисы развития общественной мысли.

<...>

В общем, перед нами сильная и односторонняя система, не отступающая ни перед чем, не пугающаяся обвинения в чрезмерных выводах, но, во всяком случае, система цельная, стройная, без остатка проводящая основной принцип,

что двигателем исторического развития является деятельность ума человеческого. Единство этой системы вытекает из исходного сенсуализма автора — вся психология человека производится из ощущений, перерабатываемых умом. Как нет никаких других источников знания, кроме ощущений, никаких прирожденных идей, никаких предварительных категорий, так, с другой стороны, все проявления чувства и воли, все нравственные свойства человека коренятся, в конце концов, в подборе и обработке ощущений умом. Заручившись этим «сенсуалистическим» ключом, Кондорсе не знает преград: исторические факты удобно укладываются для него вокруг главных изобретений и открытий, обобщений, моментов распространения знаний.

Теория эта всегда останется интересной в двух отношениях, поскольку она смело и последовательно проводит идею умственного прогресса и поскольку она выражает самую сущность надежд и стремлений просветительного направления. Но уже в самом XVIII в. были замечены и раскрыты слабые стороны этого направления и его понимание истории.

Против него выступили люди, которые в практических вопросах шли заодно с просветителями и не менее их ненавидели окружающую действительность. Из среды самих философов раздается протест против одностороннего господства ума, против отвлеченности рассуждений, в пользу всестороннего развития человеческих сил и в защиту самостоятельного значения каждой из этих сил — чувства и воли наряду с умом. Просветителей останавливали на некоторых коренных допущениях: мысль, что нравственные правила и поведение людей зависят от их умственного развития, резко отрицалась; воспитанием людей и их счастьем стали интересоваться больше, чем их знаниями; здоровая простота нравов и извращенная, утонченная цивилизация сделались любимыми темами рассуждений. Направление, главным провозвестником которого можно считать Руссо, высказалось, таким образом, наперекор некоторым из излюбленных положений просветителей. Вместо того чтобы радоваться успехам наук и искусств, Руссо, как известно, в самом начале своей карьеры объявил их влияние вредным, вносящим порчу, излишества и изнеженность в природные свойства и быт человека. Он рисовал цивилизацию не со стороны ее приобретений, а со стороны ее искусственности, объявлял философские теории и научные сведения достоянием меньшинства и кабинетных ученых, в открытиях и изобретениях видел лишь удовлетворение поверхностных и второстепенных нужд людей, искал нравственной твердости, простоты здравого смысла и находил их, скорее, у дикарей, чем в обществе, опиравшемся на долгие века культурного развития.

С крайней точки зрения, занятой Руссо, была вообще невозможна никакая теория прогресса; но, помимо крайностей новое морально-сантиментальное направление, если его можно так назвать, выставило и более умеренные формы, способные считаться с историей, не обязанные осудить ее, как проявление человеческой порчи и вырождения. Один из наиболее популярных защитников идеи прогресса, Гердер, принадлежит именно к этому морально-сантиментальному направлению, подготовлявшему позднейший романтизм. Все его интересы направлены преимущественно на сочувственное понимание поэтической, бытовой стороны истории. Ранее других он заговорил о народной массе,

как о единственной почве, из которой все личное, все придуманное, все изобретенное получает в истории свое происхождение, стал прислушиваться к народной мудрости в языке, в былинной поэзии, в преданиях и верованиях. Многое, что просвещенному взгляду Кондорсе кажется предрассудком, суеверием, невежеством, препятствием к прогрессу, для поэтической души Гердера звучит глубоким смыслом, жизненным откровением, от которого все рассуждения образованных людей получают или обоснование и жизненность, или приговор искусственности и несвоевременности. Совершается, как в театре, магическое превращение — специальные знания и теории философов отодвигаются на задний план и суживаются в своих исторических размерах, полуинстинктивное творчество массы объявляется родоначальником всяких идей и двигателем истории. Если представление Кондорсе о ходе исторического процесса можно сравнить с постепенным восхождением солнца над поверхностью земли, при котором вначале освещаются вершины гор, затем свет проникает в долины, и, наконец, проливается равномерно повсюду, то представление Гердера возбуждает в нас мысль о внутреннем движении сока в растениях, о том, как снизу, из корней, всасывается и поднимается оживляющая влага, проходящая в последние отростки и листья. Но как соединил Гердер свой взгляд на органическую связь между всеми отдельными проявлениями исторической жизни с идеей прогрессивного движения человечества? Не обуславливает ли как раз тесная связь с почвою как бы неподвижность и постоянную своеобразность исторических организмов? Как раз примеры органической природы подсказывают Гердеру основные начала теории прогресса. Он видит в природе ряд прогрессирующих форм, отдельных друг от друга и все-таки сродных друг другу, возвышающихся друг над другом. <...>

Правда, мысль самого Гердера направляется отчасти к мистическим представлениям о дальнейшем совершенствовании существ в мире духов, но кроме этого он проводит идею постепенного совершенствования исторических народностей в прогрессе всемирной культуры. При этом все значение дальнейшего развития людей он видит в развитии человечности; так же, как совершенствуются природные организмы, вырабатывая все более и более совершенные виды, так прогрессируют общественные организмы, осуществляя идею человечности.

К чему сводится человечность? К разуму и справедливости. Умственное начало не отвергается, но оно взято не в смысле положительного знания, а как разумное понимание жизни, в особенности как понимание отношений между людьми, и оно неразрывно переплетается с началом нравственным, подчиняющим эгоистические стремления общему благу, признанию чужого права, деятельной любви к ближнему.

Человечность не есть что-нибудь привитое или производное, — она произведена человеку, как таковому; но каждый отдельный человек осуществляет свою человечность лишь в борьбе с животной природой и лишь путем приобретения все большей и большей разумной власти над собою; в этом состоит его воспитание. Для совокупности людей то, что сделано одним, передается другому, то, что достигнуто одним народом, влияет на другой, иногда становится всемирно историческим, унаследованным достоянием;

поэтому история может быть рассматриваема, согласно выражению Лессинга, как воспитание человечества.

Признав культурно-нравственное начало главной основой исторического развития, Гердер получает возможность близко присмотреться к реальным особенностям исторической жизни и к отдельным народностям, как факторам истории. У Кондорсе в стремлении к просвещению все народы сливались как бы в один народ; Гердер, напротив, внимательно следит за судьбами каждого племени, за условиями исторической жизни каждого народа. Лучшие страницы его книги посвящены характеристике органического роста национальностей, указанию причин, почему этот рост направляется так или иначе в зависимости от иных условий почвы, почему он завершается тем или другим цветением культуры. Эта сторона не только лучше всего удалась Гердеру, она и особенно важна для него. Вся его книга проникнута идеей относительного удовлетворения на всякой степени культуры. Каждому народу дана возможность достигнуть некоторых положительных результатов и испытать своеобразное удовлетворение от своей деятельности, хотя ни один народ не достигает полного осуществления человеческих идеалов и устойчивого счастья. Каждый в свое время отцветает и уступает место преемнику, но мы никогда не можем примириться с мыслью, что народы, предшествовавшие в истории, появились на сцене только ради совершенствования последующих. <...>

Таким образом, в руках Гердера и морально-чувствительного направления содержание истории получило гораздо более полную обработку. В основу объяснений положена была более широкая психология, привлекающая к рассмотрению чувство и нравственный процесс, а не одну познавательную способность. Выказана была плодотворная идея относительности идеалов и относительной культурной самостоятельности каждой народности. Разъяснено было, что из взаимодействия этих идеалов и национальных существований может сложиться всемирная культура. Но в то же время в рассуждения проникло много произвольного и шаткого. Углубляясь в тайны народного духа, следя за творчеством народа, Гердер и его последователи принуждены были часто прибегать к гаданиям, к произвольным сближениям, к легучим аналогиям. Помимо неясностей, которые проистекали из самых приемов, в комбинациях Гердера заключались некоторые недоказанные и сомнительные допущения.

Роль народов и исторических периодов хорошо характеризуется, но условия и двигатели прогрессивного нарастания культуры остаются довольно проблематичными. В самом деле, если история совершается под влиянием двоякого ряда условий, под давлением природы, с одной стороны, воспитывающей традиции, с другой, то исключена ли возможность такого противоречия между этими двумя факторами, которое затормозит развитие и, пожалуй, приведет к регрессу. Если условия природы окажутся слишком тягостными для людей, то вполне можно себе представить, что тем самым разрушены будут плодотворные результаты воспитывающей традиции. Затем, связь между гуманностью и счастьем не вытекает из естественной необходимости. Можно вполне себе представить уменьшение благоденствия при росте гуманных чувств.

Во всяком случае, необходимо было придать общим рассуждениям и характеристикам Гердера форму более точного анализа и дополнить их разрешением недоумений, которых Гердер не предвидел или не оговорил, чтобы поставить теории нравственного прогресса на сколько-нибудь твердую почву.

На построения Гердера отозвался его учитель, гениальный представитель критической философии — Кант. Он посвятил «Идеям по всемирной истории» несколько критических статей и, кроме того, высказал свои собственные взгляды на течение исторических событий в двух самостоятельных брошюрах. Многие в этих работах отзываеся прежним философским рационализмом и представляет как бы обратную критику со стороны этого рационализма на чувствительное направление, но есть и стороны, в которых Кант идет дальше Гердера: при этом сказывается как его личное глубокомыслие, так и влияние политического брожения, охватившего умы перед французской революцией.

Общий тон Канта строгий, несколько мрачный; чувствуется решимость покончить с фразами и иллюзиями. Канту не нравится самый язык Гердера — не то поэтический, не то философский, не нравятся приемы изложения, в котором намеки и аллегории слишком часто становятся на место доказательств. По существу он, прежде всего, считает необходимым совершенно оставить в стороне вопрос о достижении благоденствия. Оно было бы возможно и, может быть, достигалось бы лучше при полном отсутствии культуры; поэтому и объяснять культуру приходится не стремлением к счастью. <...>

Ответ на эти беспокоящие нас вопросы можно найти лишь в следующем соображении: удовлетворение человек получает не от сознания внешнего благосостояния, а от сознания, что он разумно стремится к нему. Исполнение долга дает нравственное удовлетворение, которое не может быть заменено никакими внешними приобретениями и успехами.

При этом было бы ошибочно полагать, что люди действуют и совершенствуются в истории только благодаря сознанию нравственных идеалов. Толкают людей к совершенствованию, к применению и развитию способностей не только положительная, но также и отрицательная стороны человеческой природы. Прежде всего, могущественным двигателем исторического развития является борьба между людьми. <...>

Выходом из состояния борьбы всех против всех является право, как совокупность разумных ограничений воли и эгоизма отдельных людей. Государство есть союз, составленный для определения и осуществления права, и поэтому именно с развитием государства связано поступательное движение истории. Мы можем указать на одну цель этого движения, достижение которой в будущем совершенно необходимо для совершенствования человечества: именно, антагонизм между государствами вызывает в настоящее время невыносимое положение и тормозит культуру, и его необходимо устранить, создав единый государственный союз человечества. <...>

Как отдельные люди принуждены были признать необходимость примирения в государстве, так самые государства должны слиться в общий союз, который устранил бы распри между ними и тем самым открыл бы путь к осуществлению положительных задач.

Итак, Кант, подобно Гердеру, прилагает к истории начало разумности и

разумного совершенствования в культурно-нравственном смысле, но твердым опорным пунктом для такого приложения является государство, как сознательный, разумный и в то же время правовой, т. е. нравственный организм. <...>

Обозрев в общем работу главных трех течений мысли XVIII в., просветительного, чувствительного и критического, по вопросу об историческом прогрессе, мы приходим к заключению, что при резком противоречии друг с другом они пополняют друг друга; каждое избрало для своих наблюдений и выводов лишь одну сторону дела и провело эти наблюдения с резкой односторонностью, так что тот, кто следит за их полемикой, как бы обходит предмет кругом, осматривая то одну, то другую сторону его. Ради ясности схемы можно было бы, пожалуй, сказать, что Кондорсе, Гердер и Кант рассматривают исторический процесс с точки зрения ума, сердца и воли, выдвигая и выбирая наиболее подходящее, игнорируя факты, мало удобные и посторонние их основным идеям. Еще точнее будет сказать, что один сосредоточил все внимание на роли познавательной способности людей, другой — на значении нравственного начала человечности в отношениях между людьми, третий — на вероятном ходе политического совершенствования. Но затем все трое стоят на почве XVIII в., все трое чувствуют необходимость растолковать историю, еще не зная ее, все трое смотрят в будущее, даже когда утверждают, что наблюдают прошедшее, все трое чувствуют приближение великого переворота и веруют в его благодатное влияние.

Посмотрим, как справился с той же задачей XIX в.

II

XIX в. лежит по сю сторону великого переворота в судьбах Европы. Он так же богат политической опытностью, как XVIII был богат надеждами. Раз возбужденный вопрос об общем направлении истории, о ее цели и средствах, не мог сойти с очереди и в XIX в., тем более, что как раз в это время историческая наука сделала небывалые успехи, обогатилась целым рядом точных наблюдений и исследований, осветила области человеческой деятельности, которые до той поры оставались почти совершенно в забросе, подвела итоги своей работы в целом ряде обобщений, наконец, повлияла на изменение методов и общих взглядов в родственных общественных науках, в политической экономии и правоведении. Теории, высказанные по поводу исторического прогресса, в нашем веке расположились, как и следует ожидать, в русле двух главных течений мысли этого века: в начале они были окрашены тем течением идеалистической философии, которое более или менее господствовало над умами в первые 50 лет; затем наступает крутой поворот в сторону положительного знания и эмпирической философии, проникнутой духом естествознания. Как раз нашему вопросу посвятили много внимания двое из самых типичных представителей и руководителей указанных направлений мысли, Гегель и Спенсер. Мы и займемся теперь сопоставлением их взглядов.

Европейские мыслители первой половины XIX в. — в своеобразном положении. С одной стороны, они были принуждены продолжать мысленную работу своих предшественников XVIII в., — той смелой, полной надежд

философии XVIII в., которая не боялась быть просветительной, критической, революционной, которая резко протестовала против действительности во имя разумности и мечтала исправить действительность при помощи разума. С другой стороны, над ними тяготели сокрушающие опыты исторической практики: видимые неудачи французской революции, победоносное возрождение сил, которые философия XVIII в. объявила поконченными, приговоренными, жизненность древних национальных, монархических, религиозных, даже сословных идеалов, необходимость подчиниться внешнему порядку, далеко не просветительному, а традиционному и сильному своими традициями. Эти глубокие противоречия, навязывавшиеся во всех вопросах и областях деятельности, надо было так или иначе примирить, и философия этого времени по необходимости стала примирительной, синтетической, сливающей разнообразных течений мысли, подыскивающей разрешения и переходы. Такова, именно, по существу своему философия Гегеля. Ее можно определить и обыкновенно определяют тремя выражениями; это философия синтетическая, диалектическая и идеалистическая.

Гегеля приходится произвести в ее основных теоретических взглядах и от рациональной критики Канта через Фихте и от мистического романтизма Шеллинга.

Притом — он определенно сознавал то между философией и исторической жизнью, которое тяготело над его временем, и поставил себе целью устранить его, найти для него примиряющий синтез. Отсюда знаменитое изречение «все действительное разумно, и все разумное действительно». Изречение это может быть истолковано и применено в две стороны. Его можно понять, как оправдание действительности и как оправдание переворота во имя разумности; оно и применялось последователями Гегеля, как в том, так и в другом смысле. Но сам Гегель понимал его, прежде всего, в первом смысле, и в своей «Философии права» рационализировал и идеализировал прусское чиновничье государство двадцатых годов, чтобы разрешить, по его собственному выражению, высшую задачу философии — добиться «теплого» примирения с действительностью. <...>

Движение истории для Гегеля есть также диалектическое движение идей. Носителями этих идей являются исторические народы. Борьба этих идей совершается не только в области умозрения, но и в действительности, через посредство организованных государств. Только в государстве человечество находит выражение своим высшим стремлениям, возвышается от личных интересов к общим целям, работает в пользу этих целей определенными актами воли. И в ходе всемирной истории государства встречаются и побеждают друг друга, не благодаря военным талантам полководца или храбрости солдат. В конце концов, берет верх то, которое представляет высшее начало, т. е. то начало, которое стоит на очереди в развитии великих исторических идей. Точно так же и внутри государства партии, великие люди заимствуют свои успехи или подвергаются поражению смотря по тому, какому положению, противоположению или синтезу партии или великий человек служат, и какой из идейных моментов, воплощающихся в них, является в данное время уместным. «Не всеобщая идея вступает в противоречие, борьбу и опасность,

она держится вдали, неприкосновенная и невредимая». «Хитростью разума следует назвать то, что он вместо себя заставляет действовать страсти людей». «Индивидуумы отдаются на заклятие и приносятся в жертву», и «идея выплачивает дань бытия и прехождения страстями индивидуумов, а не собою». И все эти акты, и моменты всемирно-исторического процесса с точки зрения гегелевского идеализма являются лишь проявлением сознания всемирного духа. Это такие же проявления сознания, как то, которое связывают в одно целое моменты духовной жизни отдельного человека. «История, воспринятая сознанием, представляет воспоминание и голгофу абсолютного духа» его действительный, истинный и подлинный престол, без которого он был бы чем-то безжизненным, одиноким».

Т. к. история человеческого сознания есть вместе с тем история самосознания всемирного духа, то движение ее, несомненно, прогрессивное, притом в направлении от необходимости, как внешней силы, тяготеющей над духом, к свободе, к сознанию, что дух служит своим собственным разумным определением. <...>

Блестящим подтверждением справедливости диалектического метода является судьба самой гегелевской философии; в полной противоположности с ее всеобъемлющими отвлечениями появляется ей на смену направление, господствовавшее во второй половине века. Оно ставит себе прежде всего целью точное изучение явлений, проникнуто недоверием ко всякой метафизике и складывается под влиянием методов и идей естествознания. И раньше философы обращали внимание на явления природы: как мы видели, Гердер, например, отводил им значительное место. Но сближение между человеческими отношениями и естественно-историческими процессами приводило либо к случайным аналогиям; либо к неясным построениям так называемой натурфилософии. Истинное влияние естествознания на историю начинается, когда само естествознание прониклось идеей превращения и развития, и выработало себе, по выражению одного из наших выдающихся естествоиспытателей, исторический метод. Теоретическим понуждением к такому обороту дела послужила идея единства и круговорота сил природы. Еще Декарт высказал мысль, что все формы жизни природы являются лишь превращениями одного и того же основного процесса. Современное естествознание различными путями подходит к той же мысли. Законы единства вещества и сохранения энергии нашли себе частное применение в учениях о превращении движения в теплоту, о единстве света и электричества и т. п. Это движение отозвалось непосредственно на общественных науках с того времени, как идея бесконечного превращения проникла в биологию. Как известно, главная заслуга в этом случае принадлежит Дарвину. Благодаря его теории, совокупность растительных и животных видов представилась наблюдателям не как ряд неподвижных, точно разграниченных подразделений, а как разнообразие форм, постепенно переходящих друг в друга и исторически возникших из общих основ. Такого рода обобщение заполняло пробел между миром природы и миром человека и естественно направляло мысль к тому, чтобы и в истории человека провести те же основные наблюдения, которые установились для истории органических видов. Не

только главная мысль Дарвина, но и отдельные построения и доказательства его теории получили значение для общественных наук.

Сущность его объяснения органического развития сводится к следующему: разнообразие органических видов образовалось путем приспособления организмов, сначала однородных, к различным условиям обстановки. Намечавшиеся при этом отличия строения и функций были закреплены наследственностью, причем отбор производителей для этой наследственной передачи совершался благодаря борьбе за существование. Жизнеспособными и потому производительными оказывались те организмы, которые всего лучше приспособлялись к обстановке, — следовательно, всего сильнее развивали специальные отличия, подходившие к этой обстановке. <...>

Возвращаясь к нашей главной мысли, мы опять подчеркнем тот факт, что теория Дарвина дала могущественный толчок к эволюционному пониманию жизни природы, т. е. к истолкованию всех отдельных процессов этой жизни с точки зрения превращения и развития. Сам Дарвин и его ближайшие последователи разрабатывали, главным образом, биологические задачи, связанные с этой общей идеей, но течение европейской мысли, которое вызвало к жизни дарвинизм, выражалось также и в попытках дать философское обоснование теории эволюции в ее целом. Наиболее известным и последовательным выразителем этого философского направления является Спенсер, к которому мы теперь и переходим.

Для Спенсера не существует никакого коренного различия в процессах, которые изучаются физикой, химией, механикой, с одной стороны, биологией, с другой, психологией и социологией, с третьей. Конечно, жизнь и мысль общества имеет свои особые признаки и законы, но то законы частные, позади которых стоит один общий закон, применяющийся повсюду. <...>

Как Гегель повсюду видел диалектическое развитие, так Спенсер повсюду проводит эволюционное развитие. Эволюция в своей простейшей форме есть результат приложения силы к материи. Под влиянием определенной силы масса материи приходит в движение; чем сильнее это движение, тем более разрознывается эта масса, — наоборот, чем меньше масса получает движения, тем она более сосредоточивается, тем становится плотнее. <...>

Что касается до центральной идеи Спенсера, до самого эволюционного принципа, то великое значение этой идеи может, пожалуй, проиграть от того всеобъемлющего применения, которое дает ей Спенсер. Идея в сущности биологическая, извлеченная, с одной стороны, из учения о развитии функций и органов живых организмов, с другой, — из истории развития самых органических видов от простейших до самых сложных. Спенсер старается придать ей механическое обоснование, чтобы без остатка свести ее на законы единства вещества и сохранения энергии, но при этом философском синтезе утрачивается целый ряд конкретных и существенных определений эволюции и получается возможность спешно, без критики набивать в нее, как в какой-то мешок, самые разнородные явления всех возможных порядков. <...>

Затем, эволюционный метод делает возможным совершенно новую обработку общественных наук на основе сближения их с биологией. При исследовании вопроса о возможности социологии или научной истории часто

высказывается соображение, что социологические и исторические законы, которых мы ищем, могут быть лишь приложением основных законов психологии, т. е. общество и общественная жизнь, в конце концов, сводятся на психическую жизнь человека. Эта мысль вполне справедлива, но на практике приложить ее пока трудно, потому что большая часть добытых пока психологических обобщений не такого свойства, чтобы они могли быть приложены с успехом к материалу общественных наук.

Биология стоит несколько дальше от исторических данных, чем психология, но зато она обладает, так сказать, деятельными обобщениями, которые могут быть испробованы, и с успехом испробованы на этих данных. В конце концов, история анализирует жизнь общества и потому самому она не может остаться чужда влиянию учения биологии — науки о жизни.

III

Перед нами прошел целый ряд теорий исторического прогресса, выработанных европейской мыслью в последние два века. Отмечая значение каждой из них, выдвигая ту или другую ее положительную сторону, мы, однако, не примкнули всецело ни к одной из них. Препятствием являлось одно коренное затруднение — все эти теории, в конце концов, придавали точному изучению исторического процесса второстепенное значение. Все отправлялись от общих положений, добытых на стороне, и применяли эти общие положения к материалу без должного внимания к его собственным характерным чертам и требованиям. Мыслители, которых мы до сих пор рассматривали, подчинили свои исторические построения необходимости установить ту или другую общефилософскую систему, подходили к вопросам о прогрессе и об условиях исторического развития с запасом готовых общих принципов, которым во что бы то ни стало приходилось найти удовлетворение и в этой области. Такое положение дел естественно, потому что все перечисленные писатели были не историками по специальности, а философами, и интересовались не одной частью здания, а его целым. Но понятно также, что при ближайшем рассмотрении добытых ими результатов историки в свое время должны возвысить голос. И приходится сказать, что наличный исторический материал не оправдывает слишком всеобъемлющих, слишком самоуверенных указаний на ход исторического прогресса. Каждая из отмеченных нами теорий XVIII в. касается дела лишь в одном его элементе, каждая из двух важнейших теорий XIX в. односторонне выдвигает лишь одно двигающее начало. Необходимо прибавить, что как раз теории XIX в. указывают верный путь к дальнейшему исследованию, потому что они не только делают обзор предполагаемого развития, но внимательно, хотя и односторонне останавливаются на основном принципе совершающегося движения — диалектическом — по одному толкованию, эволюционному — по другому. Этим намечается метод исследования: необходимо сначала рассмотреть, в чем состоят сущность и особенности исторического процесса, а затем уже ставить вопрос, куда ведет этот процесс, насколько он обещает прогресс, круговорот или какую бы то ни было другую форму движения.

Точкой отправления мы можем взять формулу Спенсера, которая, во всяком случае, имеет то преимущество, что она предполагает лишь простейшие наблюдения над явлениями природы и не требует прямо, подобно формуле Гегеля, таких значительных допущений, как допущение тождества мысленного и мирового процессов. Но, как уже было сказано в прошлый раз, для исследования исторических явлений лучше иметь в виду не общую механическую теорию сосредоточения материи и рассеяния движения, а постановку эволюционного принципа в применении к биологии. Дело в том, что человек, чем бы он ни был помимо своей животной природы, во всяком случае, есть, между прочим, и животное биологическое, законы к нему поэтому, несомненно, приложимы, если бы даже они и не были достаточны, чтоб объяснить всю его деятельность. Затем можно быть какого угодно мнения о степени приложимости понятия организма к различным формам общества, но в настоящее время никто не сомневается, что развитие обществ в основе своей является органическим или, пожалуй, подобным органическому. Преувеличение аналогии может привести к смешным попыткам найти в истории все то, что характеризует строение или отправления животного или растения, может повести и к игнорированию существенных особенностей человеческих обществ; но недурно поставить хотя бы предварительный вопрос, на что наводит признание известного сходства в развитии животных организмов и видов — и человеческих обществ, не подсказывает ли оно существенных соображений относительно хода исторического процесса.

Итак, остановимся на некоторых общих положениях, вытекающих из самого понятия жизненной эволюции, и посмотрим, приложимы ли они в одинаковой степени к организмам природы и к организмам истории.

Исходным пунктом всякой жизненной эволюции является организм, обособление вещества в известное целое, выделенное из окружающей среды и одаренное энергией, стремлением к поддержанию своего обособленного существования. Факт, что в известных случаях возникают как бы федерации организмов, которые ведут общую жизнь, например, федерации полипов кораллового рифа, и что всякий высший организм может рассматриваться как комбинация множества низших, не разрушает основного положения. Он показывает только, что существуют разнообразные сцепления органических форм, которые могут быть рассматриваемы или как разложимые комбинации, или как самостоятельные особи, смотря по тому, какие цели и стремления мы примем во внимание, жизнь группы или жизнь составляющих ее элементов. И тот, и другой процесс имеют свое течение и свои потребности, хотя и тот и другой в значительной степени обусловлены друг другом.

Если мы обратимся теперь к исторической жизни, то едва ли будет особенная нужда настаивать на приложимости идеи обособления органических целых к человеческим обществам, — сходство слишком очевидно и слишком часто разъяснялось. Семья, род, племя, государство, церковь могут быть рассматриваемы как обособленные организмы, преследующие свои цели и поддерживающие свое существование во взаимодействии с окружающей средой. В противоположность сознательным ассоциациям, эти цели не устраиваются нарочно и не зависят в своем существовании от определенного

договора, а развиваются самопроизвольно из едва заметных зародышей и поддерживаются более молчаливой солидарностью своих членов, чем определенными их соглашениями. Во всяком случае, каждая из этих общественных форм обособлена, составляет целое, выделившееся из окружающей среды и до некоторой степени противоположное ей.

Существенное отличие, которое приходится отметить с самого начала между естественными и общественными явлениями, состоит в том, что составными клеточками, входящими во все общественные комбинации, являются отдельные живые люди, из которых каждый обладает самыми различными потребностями и способностями, физическими и духовными. Клеточки эти смыкаются поэтому не в одну высшую органическую группировку: каждая из них входит зараз в целый ряд различных комбинаций. Иначе говоря, один и тот же человек принимает участие и в жизни своей семьи, и в жизни государства, и в жизни церкви, и, может быть, в жизни промышленных, литературных, научных, художественных целых своей эпохи. В каждом человеке перекрещиваются и, так или иначе, комбинируются очень много отдельных эволюций. Жизнь общества — синтез всех этих эволюций с преобладающим влиянием той или другой, но с известным влиянием каждой. Эти наблюдения тотчас пригодятся нам при характеристике общего хода истории.

Затем, необходимо обратить внимание на особенности терминов, которые обыкновенно употребляются в применении к общественным формам. Термины эти часто смешиваются, и для правильного их употребления необходимо установить с самого начала некоторую предварительную классификацию. Говоря об общественных формах, мы, прежде всего, имеем в виду общественные союзы, сознательно преследующие свои цели и снабженные определенной властью, в которой выражается как бы коллективная воля союза; воля эта господствует над волей отдельных лиц, входящих в состав союза, и в известном случае может осуществляться в виде принуждения. Такими признаками отличается, очевидно, государство, обладающее известной принудительной властью и определенной организацией для общей защиты и других положительных целей. Те же признаки найдем мы и в церкви, которая, помимо идеального единства вероисповедания, имеет ряд учреждений и правил, долженствующих поддерживать связь между верующими и в известных случаях даже действовать на них принудительно. В известной мере и такой союз, как семья, обладает признаком коллективной воли, выражающейся во власти родителей над детьми. В отличие от таких определенно организованных союзов отметим, во-вторых, общественные группы, которые, так или иначе, обособились от окружающей среды, выработали исторические черты, специально их характеризующие, обладают даже сознанием своего обособления и средствами более тесного сближения между составляющими их членами, но не обладают юридически определенной волею и властью. Такой группой является всякий народ. Единство языка, исторических традиций, культурных связей сводит его в определенную, иногда очень плотную группу, в которой может существовать весьма ясно выраженное сознание обособленности; но, только преобразовавшись в государство, народ достигает единства воли. Польский народ, например, который после разделов перестал быть государ-

ством, весьма энергически отстаивает свою культурную обособленность, и одним из условий для этого является определенное национальное сознание, которое живет, несмотря на отсутствие формальной власти. Когда мы употребляем выражения; племя, раса, то наше внимание обращается, главным образом, на антропологическое сходство тех лиц, которые входят в состав названных групп. Сходство это можно объяснить общим происхождением, общими естественными условиями, сформировавшими известный антропологический тип, отличающийся от других подобных типов; но при этом улетучивается из установленной нами группы не только понятие власти, как определенно сосредоточенной коллективной воли, но и понятие коллективного сознания. Для расы и для племени существенна только наличность известного числа признаков, отличающих группу от соседних групп на тех же основаниях, на каких растительный или животный вид обособляется от других видов. <...> Понятие развития постоянно прилагается к общественным отношениям. Мы постоянно говорим о развитии или эволюции хозяйства, права, нравственности, науки, литературы, искусства. Такого рода словоупотребление объясняется нашим желанием свести в одно целое все черты, которые характеризуют последовательное существование идей и отношений, к которым отдельные люди временно примыкают. Нет беды или опасности в этом способе выражаться, если только мы будем твердо помнить, что общественные формы, о которых идет речь, не представляют полной аналогии с указанными раньше союзами и группами. На них можно смотреть с двух различных точек зрения.

Если мы, говорим, например, о развитии литературы, то мы можем иметь в виду, во-первых, совокупность литературных произведений. При этом выдвинутся для нас вопросы о господствующих в них идеях, о средствах литературного впечатления, об особенностях литературного творчества и т. п. Хотя, конечно, при этом придется принимать во внимание условия времени и местности, но условия эти составят лишь так называемую литературную обстановку для развития того или другого духовного содержания. Литература представится нам как целое, но не как целое, составленное из отдельных живых людей, не как общественная группа. Поэтому и понятие общественной эволюции можно будет приложить к ней лишь по аналогии, и надо будет заранее примириться с тем, что во многих отношениях аналогия окажется неполной и мало подходящей.

Во-вторых, можно иметь в виду развитие литературы известного народа или ряда народов. В таком случае опять выступает вперед общественная сторона процесса. Литературные произведения, типы, идеалы подвергнутся изучению как выражения народной жизни, как формы деятельности того или другого коллективного целого, состоящего из отдельных живых людей и обособленного известными признаками и организацией. С этой точки зрения, принцип общественной эволюции опять вступит в свои права; но не следует забывать, что он будет рассматриваться лишь в применении к одной стороне коллективной жизни, что дело будет идти, так сказать, об одном ряде отправлений или функций организма. Для удобства рассмотрения можно выделить органы питания или нервную систему, хозяйство или литературу, но надо помнить, что выделение это чисто искусственное, что в действи-

тельности отдельные функции и органы находятся в теснейшей связи со всеми другими функциями или органами живого целого.

Помимо всех перечисленных форм приходится считаться еще с понятием общества, как совокупности всех кругов жизни, всех групп, так или иначе соединившихся в известной географической и исторической обстановке. Общество в этом смысле шире всех перечисленных групп, включает в себя и государство, и церковь, и семью, и те или другие литературные и научные соединения. Понятие это часто употребляется и имеет реальный смысл именно потому, что на одних и тех же местных основах строится целый ряд соединений, разнохарактерных по своим целям, но тесно связанных единством входящих в состав их элементов — живых людей. Необходимо лишь иметь в виду, что понятие «общество» синтетическое и условное. Оно не подчиняется определенному отграничению и может быть обращено в ту или другую сторону, смотря по тому, на какой признак мы обратим преимущественное внимание. Во всяком случае, эта высшая синтетическая комбинация, подобно первому составному элементу — отдельному человеку, — характеризуется, прежде всего, многообразием своих проявлений и перекрестными связями между всеми этими проявлениями.

Перейдем к рассмотрению целей исторического процесса. В естественных организмах полное единство и простота цели; их деятельность направлена к поддержанию существования и удовлетворению потребностей этого существования и ни к чему другому. Никакого дуализма или раздора между частями отдельного организма быть в данном случае не может. Каждый общественный организм также является целым, которое преследует подобные цели, но преследует он их не безусловно и самопроизвольно, а в зависимости от того, что оно служит так или иначе интересам и потребностям отдельных личностей, его составляющих. Между той и другой целью всегда существует известный антагонизм, потому что общественный союз должен до известной степени жить на счет своих составных элементов, ограничивать их и эксплуатировать их. Но если антагонизм этот возрастет до слишком сильной степени, то плохо будет общественному организму. Нравственная связь, его замыкающая, ослабнет, отдельные люди плохо будут поддерживать общество, выдадут в момент опасности, будут обманывать и уклоняться в будничных отношениях, отвернутся от опостылевшего соединения и переключатся к какому-либо другому.

Поразительный пример такого перехода интересов от одного общественного союза к другому представляют отношения между Римской империей и христианской церковью в первые века. Тяжелые условия политической жизни Рима, гнет государственной организации, ослабление политических идеалов привели к тому, что все положительные силы общества укрылись в христианской церкви. Отлив интересов и нравственных сил из одного союза в другой сознавался уже современниками. Для представителей языческого государства христиане были врагами рода человеческого, потому что подчинялись лишь внешним образом требованиям закона, а душою принадлежали своей церковной организации. Для представителей христианской идеи государство стало «царством Дьявола» и «вертепом разбойников»; «основанием града Божия» признавалась лишь церковь.

Таким образом, выясняется, что, помимо внешней силы и внешнего развития общества, ему приходится считаться с требованиями отдельных составляющих его людей на личную свободу и благосостояние, и что тот или другой компромисс между этими двумя рядами стремлений составляет необходимое нравственное условие для существования всякого общества. Конечно, связь эта будет тем теснее, компромисс тем полнее и тем легче, чем больше и то, и другое будет основано не только на отрицательной необходимости жить под законом и стеснять себя для других, а на положительных результатах, которых личность будет достигать в союзе с целым, и благодаря ему. Таким образом, поскольку целью общества для его собственного преуспеяния должно быть удовлетворение лучших потребностей и стремлений его граждан, жизнь всей совокупности, общества, вместо того, чтобы остаться коллективным эгоизмом, становится идейным и нравственным процессом. Обществу не чуждо, а напротив, врожденно все лучшее, к чему может стремиться отдельный человек, и если последний может и должен ставить себе целью жизни достижение истины, разумность, справедливость, свободу, а не только удовлетворение своих непосредственных нужд и желаний, то в этой идейной работе призвано принять участие общество со всеми многообразными силами кооперации и сознательного устройства.

Обратимся теперь к вопросу о средствах, которыми достигаются цели органической жизни. Органическое целое находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой; обособившись, возникнув как особь, организм стремится поддержать себя как особь. Он должен пополнить убыли, которые он испытывает от работы на достижение этой цели, и пополняет он эти убыли, привлекая из внешней среды материал, который перерабатывает, претворяет в свою собственную органическую ткань, ассимилирует. Между организмом и окружающей средой устанавливается, таким образом, обмен, но обмен не всегда равномерный: вначале организм сильно расходует, но захватывает еще больше, чем расходует. По истечении известного времени расходы начинают уменьшаться, но еще сильнее уменьшаются сила захвата и способность ассимиляции, пока, наконец, не наступает момент, когда целое, не в состоянии более поддерживать своих особенностей, распадается. И рост, и распадения нельзя, однако, рассматривать исключительно с точки зрения процесса взаимодействия с окружающей средой. И то, и другое отражается известными внутренними изменениями, развитие которых и составляет ход собственно органической эволюции. Для более успешного действия на среду организм приспосабливается к ней, к борьбе с ней и к работе над нею. При этом его первоначально однородные частицы дифференцируются в своих отправлениях: одни берут на себя дело поглощения, другие посвящают себя делу ассимиляции; одни становятся внутренними, другие внешними органами целого. Зачатки организации вытекают вначале из самого положения частей, осложняются и закрепляются путем наследственности и естественного подбора: разделение труда, разделение функций мало-помалу переходит в различие строения. В связи с внешним процессом взаимодействия с окружающей средой развивается, таким образом, внутренний процесс дифференциации и интеграции функций и органов. Этот эволюционный внутренне процесс имеет

свою обратную сторону, весьма характерную. В органической жизни обратная сторона процесса эволюции не есть процесс диссолюции, которая наступает лишь по прекращении раздельного существования организма. Обратной стороной эволюции является ее остановка, достижение форм, которые не подчиняются или слабо подчиняются дальнейшим изменениям. Это достаточно известно в биологии, и я упоминаю обо всем этом лишь потому, что нам придется переносить эти понятия и термины в биологию общественных организмов. Индивидуальный организм дряхлеет, потому что костенеет, потому что не только мозг, сердце, желудок перестают развиваться, но все ткани мало-помалу устанавливаются и останавливаются в процессе развития и даже в процессе обмена. Можно представить себе в этом смысле одряхление и вымирание целого животного или растительного вида, если предположить, что он выработал мало-помалу свою сложную организацию для известных условий природы, — а условия эти подверглись коренным изменениям. Переплавить выработанной организации нельзя, — она была гибка и пластична, лишь пока вырабатывалась, и предел этой пластичности тем теснее, чем организация сложнее и выше. Быть может, таким образом вымерли некоторые палеонтологические виды, например, мамонты, вымирают и теперь некоторые породы животных, хотя бы, например, зубры.

Заручившись этими понятиями, перейдем теперь опять к общественным отношениям. Закон взаимодействия с окружающей средой находит себе блестящее подтверждение в истории обществ. Мало того, что каждая общественная форма принуждена приспособляться к окружающим условиям, как естественным, так и историческим, все ее существование связано с вопросом, сумеет ли она привлечь к себе достаточное количество людей, материальных средств, духовных сил и переработать этот материал для своих целей. Она при этом вступает в борьбу за существование не только с подобными себе организмами, но также и с организмами инородными, но оперирующими все над тем же человеческим материалом, вербуемыми для своих целей.

Быт государств и борьба их между собою составляет содержание даже школьной истории, но не следует упускать из виду, что, вследствие множественности общественных комбинаций, в которые входит человек, получается постоянное взаимодействие и иногда резкая борьба в среде одного и того же общества, например, между государством и родами, между государством и церковью. В Германии до сих пор католическая церковь составляет боевую организацию, плохо примиряющуюся с требованиями государства и находившуюся одно время в открытой борьбе с ним.

И в этом отношении существенно, что сила ассимиляции, выражающаяся в борьбе различных союзов, находится в прямой пропорции не только к их количественной силе и выгодным внешним условиям, но также к силе нравственной связи, которая составляет отличительную черту общественных организмов. Успехи раннего протестантизма объясняются духовными запросами общества XVI в. и порожденной ими крепкой нравственной связью, которая восторжествовала в борьбе над материальными силами католической церкви и католических держав.

Внешнему взаимодействию и росту соответствует эволюция внутренней организации. Для иллюстрации применимости понятий дифференциации и интеграции к общественным союзам укажу на следующий пример.

Экономическая история Римской империи дает хороший случай наблюдать взаимодействие этих процессов. Когда Рим соединил в одно целое разрозненные государства, расположенные в бассейне Средиземного моря, между провинциями, образовавшимися на месте этих государств, установилось, с одной стороны, разделение труда, с другой — тесная экономическая связь. Каждая часть империи дифференцировалась как особый орган со своими самостоятельными задачами, смотря по своему положению, свойствам почвы и климата и т. д. Южные провинции, Египет, Африка, Сицилия специализировались на добывании хлеба и снабжении им остальных областей. В Галлии, в Азии, развилась обрабатывающая промышленность, в них готовились, например, ткани, которые шли потом на рынки всех провинций. По границам, в Британии, в Германии, по Дунаю и т. д. сложилась жизнь военных лагерей и военных поселений. Центры Италии и Греции значительно опустели и превратились в места пребывания для богатейших и беднейших людей империи, одинаково мало трудившихся и зависевших в своем благосостоянии от труда или попечения других. Такой порядок был возможен вследствие того, что империя поддерживала и охраняла оживленные сношения между всеми своими областями, так что каждая могла избрать себе специальность и отбросить до некоторой степени заботу об остальных формах хозяйственной жизни, рассчитывая на содействие соседей. Интеграция целой империи является, таким образом, обратной стороной дифференциации ее частей. Любопытно, что когда варварские вторжения и внутренние неурядица разбили единство империи, то провинции принуждены были отказаться от своих специальных назначений и перейти вновь к разрешению всех хозяйственных задач порознь для каждой.

Вопрос об остановке развития и гибели общественных организмов заслуживает особенного внимания. Общества умирают не совсем как, как умирают животные или растения. На первый взгляд, они всегда умирают насильственной смертью — от того, что в борьбе над ними одерживают верх другие подобные же общества. Но эта разница лишь на поверхности, ведь и естественные организмы получают окончательный толчок к смерти от каких-нибудь посторонних сил, будь то враги или болезни, а настоящей причиной их смерти является указанное раньше несоответствие между давлением окружающей среды и внутренней энергией, или устаревшими и окостеневшими приспособлениями. В этом направлении, в сущности, аналогия общественных союзов и естественных организмов поразительная. Можно привести сколько угодно исторических примеров в пользу того, что падение известного союза наступает не тогда, когда на него начинают сыпаться удары противников, а тогда, когда на помощь противникам приходит приостановка развития, косность, неспособность изменить раз сложившийся характер и организацию. На наших глазах совершился необычайный переворот в дальней Азии. Незначительная по размерам и населению Япония быстро одолела колоссальный Китай. И вслед за этой победой наступили ясные признаки распада после-

дного. Причины явления не подлежат спору. Мы имеем в данном случае контраст между энергичным организмом, способным обновиться и принять на себя разрешение новых задач — с одной стороны, дряхлостью и косностью остановившейся на старых началах культуры — с другой.

Но есть и существенные отличия.

Вследствие того, что в одном и том же обществе развивается одновременно несколько общественных союзов, не может быть случая полного и окончательного уничтожения известного общества или распада его на первоначальные элементы — на отдельных людей. В непрерывной истории общества может совпасть появление признаков прогрессирующего развития в одном отношении с появлением признаков разложения в другом. Те же самые граждане Римского государства, которые были поглощены варварскими государствами, одержали верх над варварами в качестве членов христианской церкви, и периоды развития церкви накладываются на историю государств, не совпадая с ними. В школьном изложении истории принято говорить, что в V в. Рим был побежден германцами. Ради ясности схемы на этом заканчивают один из главных периодов исторического развития. Между тем, не требуется особых сведений, чтобы отнестись критически к такой постановке дела. Кончилась ли в самом деле история римского общества в это время? Примем во внимание хотя бы тот простой факт, что римская церковь так же точно победила германское язычество, как германские конунги победили римских императоров. Где же были победители и где побежденные? Тот же самый епископ, который был побежден в качестве римского гражданина, торжествовал в качестве римского иерарха. Как было бы неправильно кончать историю римского общества на событиях так называемого падения Западной империи, так было бы нелепо вести средневековую историю как процесс заново начинающегося развития германских племен. Факты всемирно-исторической передачи и перекрестных влияний являются в этом случае настолько капитальными, что научная история принуждена отодвинуть совершенно на второй план этнографические признаки и сосредоточить внимание на истории единого преобразующегося общества.

Мало того, можно сказать, что каждый падающий общественный союз даже в тех частях своих, которые подвергаются распадению, передает известное живое наследие своим победителям и преемникам. Римское право не угасло с римской государственной организацией, а перешло в средние века и проложило мост между двумя периодами развития, по-видимому, разделенными целой пропастью.

Вследствие таких сцеплений и переходов между сменяющимися общественными союзами, оказывается, несмотря на эволюционный характер отдельных процессов, что завязывается в истории непрерывная культурная цепь, звенья которой выковываются отдельными эпохами и отдельными общественными организациями, но которая сама по себе составляет известное целое и простирается над всеми этими эпохами и организациями. В этом смысле можно говорить о всемирно-исторической культуре и утверждать, что она бессмертна, поскольку вообще бессмертно человечество.

Таким образом, мне кажется, что эволюционная точка зрения, правильно

понятая, не исключает идеи всемирно-исторического развития культуры и совершенствования ее. В этом направлении работают два могущественных условия — преемственность духовной жизни между различными общественными союзами и постоянное взаимодействие между развитием социальным и личным, взаимодействие идейного и нравственного свойства. Лессинг и Гердер были по-своему правы, говоря о воспитании человечества. Действительно, одно поколение передает другому известный запас выработанных знаний, привычек, нравственных приобретений, и от этой передачи работа потомков становится легче и плодотворнее. <...>

Для того чтобы оценить путь, пройденный в области усовершенствования нравственных отношений, удобно сопоставить эпохи, далеко отстоящие друг от друга. Сравним общий уровень нравственных воззрений в наше время с эпохой блестящего развития Афин в V в. до Р. Х. Я беру этот исторический момент, а не какое-нибудь варварское состояние общества для того, чтобы избежать упрека в подбории фактов в угоду предвзятой теории. Афинская жизнь V в. признается одной из самых блестящих эпох в истории человечества, и нельзя не согласиться, что в сравнительно немногочисленном круге афинских граждан развивались в это время идеалы художественные, философские и политические, которые могут возбудить зависть людей нашего поколения. Но каков был общий уровень нравственных требований? Насколько глубоко проникали в сознание идеи гуманности и справедливости? Не связаны ли они были с интересами и эгоизмом ограниченного меньшинства? Чтобы ответить на эти вопросы, нельзя ограничиваться ссылками на речь Перикла или трагедии Софокла; стоит припомнить, что современники Перикла и Софокла считали совершенно естественным истреблять побежденных неприятелей. Так поступили они со значительной частью населения восставшего Лесбоса, со всем мужским населением отстаивавшего свою независимость Мелоса; и безжалостные экзекуции эти производились не на поле сражения, не в припадке кровожадной ярости, а на основании хладнокровно постановленных решений народного собрания и военных властей. Нельзя не заметить, что в этом отношении современное общественное сознание стоит на иной почве. Идея человечности не может воспрепятствовать отдельным взрывам свирепости масс и кровожадности личностей, но время наивного и хладнокровного применения взгляда, что побежденных людей можно и иногда следует истреблять, к счастью, прошло безвозвратно.

История общественных классов представляет самые яркие примеры эволюционного процесса внутри отдельных общественных организмов. Расчленение общества на профессии, состояния, сословия дает прекрасное приложение общего начала дифференциации функций и дифференциации строения; совместная деятельность классов, их взаимные услуги и общая работа иллюстрируют процесс объединения, интеграции. И без сомнения, во всяком отдельном случае, при изучении того или другого хода дела, мы обратим внимание на особые, исторически своеобразные условия развития того общественного целого, к которому принадлежат эти классы, и это объяснит нам многое, значительную часть явлений. Объяснит ли оно все? Не оста-

нется ли значительного остатка, который придется отнести на долю влияния не условий, нужд и сознания в отдельном государстве, а на развитие культурного сознания человечества? Мне кажется, что одним из самых красноречивых примеров исторического прогресса может служить судьба рабочих классов. В древности они находились в рабстве, в средние века наступило для них крепостное состояние, в новой истории за рабочими была признана личная свобода. В последнее время общественное сознание и правительственные мероприятия выдвигают необходимость опеки и помощи по отношению к этим свободным, но невыгодно поставленным людям. В избранном нами примере с первого же взгляда ясно, что эволюция совершается, во всяком случае, не только в пределах узких государственных подразделений. Переход от рабства к крепостничеству обуславливается как историческим процессом Римской империи, так и историей средневековых обществ; переход от крепостничества к свободе растягивается, можно сказать, от XII до XIX в. Таким образом, эволюцию придется, во всяком случае, брать в чрезвычайно широком смысле, как эволюцию европейского общества и всех подчиненных ему и подчиняющихся ему течений. Затем ясно, что великую роль во всем деле сыграло развивающееся сознание, и притом в двух направлениях — сознание нужд и сознание права.

Для разъяснения нашей мысли остановимся несколько внимательнее на истории уничтожения рабства. Чрезвычайно важную роль в данном случае играло выяснение большей производительности свободного труда, особенно среди тех затруднительных экономических условий, которые наступили в конце Римской империи и в начале средних веков. Управление крепостными крестьянами оказывалось легче управления массами рабов. Мелкие зависимые хозяйства повели более энергичную борьбу за существование, чем работавшие из-под палки невольники на землях крупных землевладельцев. Переход от стадной эксплуатации невольничьего труда к обложению барщиной и оброком, крепостных хозяйств совершился, поэтому, под влиянием все шире и шире распространявшегося среди землевладельцев сознания, что этот переход соответствуем интересам землевладения и даже необходим для его поддержания. Не политико-экономическое открытие, изложенное в каком-либо литературном произведении, и не законодательная мера, направленная к общей перемене хозяйственного строя, вызвали этот переворот во взглядах; он совершился под влиянием накапливавшейся опытности и расширения кругозора тысяч и сотен тысяч отдельных хозяев, в результате тысяч и сотен тысяч помещичьих распоряжений и сделок между помещиками и крестьянами. Это был акт коллективного сознания нужд и интересов. Наряду с этим идет процесс самостоятельный в своем развитии, но тесно соприкасающийся с первым. Греческая философская мысль и римское право подготовили признание коренного равенства между людьми, — равенства, вытекающего из одинаковой природы людей и из подчинения их единой государственной власти. Из сочинений моралистов эти идеи стали переходить в законы, когда императоры признали, что их ведению и охране подлежат не только граждане, но и многомиллионное рабское население империи. В законах появляются сначала постановления, которые защищают раба

против господина по отношению, по крайней мере, к жизни. Затем начинаются уже попытки принять, хотя в некоторой степени, под покровительство государственной власти имущество и честь рабов. Завершился этот процесс вследствие могущественного ходатайства за рабов христианской церкви, которая увидела в рабе, прежде всего, душу человеческую и окончательно решила вопрос о переходе от рабства к крепостничеству. В намеченном ряде явлений высказывается развитие коллективного сознания права. Нельзя сказать, чтобы в совокупности своей совершившийся на исходе древнего мира переворот исключал всякую возможность возвращения к строю полного бесправия и эксплуатации одних людей другими. Невольничество черных в среде христианской культуры явило пример бесчеловечной эксплуатации, не уступавшей ни в чем порядкам эпоха Катона. Но мы тут имеем дело лишь с частным отпадением от вполне установленных идей, со своего рода атавистическим возвращением к более ранним формам цивилизации. Реакция против этой ненормальности не заставила себя ждать и совершилась в прямой связи с развитием гуманитарного сознания европейских народов.

Подобным же образом можно было бы иллюстрировать социальный прогресс в переходе от крепостничества к свободе найма и в зачаточных формах общественного вмешательства в условия рабочего найма. Но сказанного, мне кажется, достаточно, чтобы охарактеризовать как общий ход движения, так и его два главных пути — коллективное сознание нужд и коллективное сознание права.

Из наблюдений над историческим процессом мы вынесли убеждение, что процесс этот эволюционный и в то же время прогрессивный, что те силы, которые доисторического человека обратили в дикаря, дикаря в варвара, варвара в гражданина, будут и впредь продолжать работать над человеком и создавать культуру человечества. Совокупность этого человечества мы имеем право рассматривать как общественный организм с пробуждающимся сознанием солидарности, разумных целей и нравственных связей. Этому организму также поставлена общая задача, задача и приспособление к окружающей среде, которая, в данном случае, является всей земной обстановкой и жизнью. Средства приспособления могут быть найдены лишь в знании истины, в разумном понимании человеческих отношений, в воспитании людей и обществ к человечности и справедливости. Работа приспособления может быть только медленной, тяжелой работой накопления частных приобретений и приспособлений, медленной и тяжелой выработкой коллективного сознания. Не достижение благоденствия может быть поставлено конечной целью, — благоденствие не зависит вполне от человеческих усилий. Но пока люди живы, они будут деятельны, будут стремиться к благоденствию. А если бы непреодолимые внешние преграды стали на дороге к осуществлению благоденствия, для деятельных и разумных людей все-таки останется путь к счастью, — внутреннее удовлетворение, которое делает человека свободным и счастливым даже и на костре.